

УДК 343.26(571.51):94:3/.4(47)
DOI [10.17150/2072-0904.2015.6\(2\).28](https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6(2).28)

А. А. Иванов

*Сибирская академия права, экономики и управления,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. На основе современных исторических материалов и архивных данных, посвященных политической ссылке в Иркутскую губернию в первой половине XIX в., анализируются количество и география размещения, социальные и имущественные категории, а также условия отбывания наказания и характер занятости ссыльных. В Прибайкалье размещались ссыльные трех категорий — государственные преступники из дворян, польские повстанцы и солдаты, выступавшие против крепостнических порядков в военных поселениях европейской России. Общая численность ссыльных была сравнительно незначительной. После амнистии 1856 г. большинство декабристов и польских политических ссыльных вернулись на родину, а участники солдатских бунтов остались, растворившись среди крестьянского старожильческого населения. Авторское исследование позволяет сделать вывод о том, что политическая ссылка в Иркутскую губернию поначалу носила единичный характер и стала приобретать черты массовости лишь со второй половины 1820-х гг.

Ключевые слова. Политическая ссылка; декабристы; Иркутская губерния; каторжные работы; польские политические ссыльные; военные поселения.

Информация о статье. Дата поступления 24 января 2015 г.; дата принятия к печати 9 февраля 2015 г.; дата онлайн-размещения 17 марта 2015 г.

A. A. Ivanov

*Siberian Academy of Law, Economics and Management,
Irkutsk, Russian Federation*

POLITICAL EXILE IN IRKUTSK PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY

Abstract. On the basis of today's historical materials and archival data devoted to political exile to Irkutsk Province in the first half of the XIXth century, the article analyses the number and geography of placement, social and property categories, as well as terms of services and the occupation character the exiled. The West Baikal Region homed the exiled of three categories — public criminals from the nobility, Polish insurgents and soldiers stepping out against the villeinage system in military settlements of European Russia. The total number of the exiled was relatively insignificant. After the amnesty of 1856, the majority of the Decembrists and Polish political exiled went back to their native lands, while the participants of soldiery mutinies remained, dissolving in the peasant long-timed population. The author's investigation allows to conclude that the political exile to Irkutsk Province was rather of sporadic character and began to acquire its mass features only since the second half of 1820.

Keywords. Political exile; Decembrists; Irkutsk Province; hard labor; Polish political exiled; military settlements.

Article info. Received January 24, 2015; accepted February 9, 2015; available online March 17, 2015.

История Сибири, в том числе Иркутской губернии XIX в., прочно ассоциируется с политической ссылкой. С гигантской «тюрьмой без решеток» были связаны судьбы десятков тысяч человек, а потому история ссылки оставила

заметный след в отечественной историографии в виде исследований непосредственных очевидцев и современных ученых [4].

Несмотря на стойкий многолетний интерес, в историографии этой темы и сегодня существуют весьма заметные пробелы, один из них относится к периоду первой половины XIX в. Постоянное внимание советских исследователей к сибирской ссылке декабристов, поддерживаемое мощнейшей государственной идеологической машиной, оставило в тени историю поселения здесь других государственных преступников. Отсюда цель статьи — на основе имеющихся в распоряжении автора письменных источников собрать воедино разрозненные факты пребывания ссыльных на территории Иркутской губернии в первой половине XIX в. и воссоздать обобщенную картину, характеризующую их численность, географию размещения, характер занятости, быт, а также участие в социально-экономической жизни края.

Хронологические рамки исследования несколько шире формальных, так как политическая ссылка в Иркутскую губернию первой половины XIX в. берет начало в 1791 г., когда в столицу края прибыл А. Н. Радищев, и заканчивается амнистией 1856 г., существенно изменившей облик и количественные характеристики ссылки. Упомянув Иркутскую губернию, автор имеет в виду территорию, сложившуюся в 1820-х гг. в соответствии с реформами М. М. Сперанского, в составе Иркутского, Верхнеудинского, Нижнеудинского, Киренского и Нерчинского округов и просуществовавшую как единое целое до выделения в 1851 г. Забайкальской области в самостоятельную административную единицу.

Если понимать под политической ссылкой практику принудительного удаления и изоляции взамен смертной казни опасных для государства и общества преступников [17, с. 1–3], то наказание А. Н. Радищева полностью соответствует этому определению. Первоначально автор «Путешествия...» был заключен в Петропавловскую крепость, лишен чинов и званий и приговорен к смертной казни, затем помилован и сослан на 10 лет в Илимский острог.

Бывший директор Петербургской таможни, опальный вольнодумец прибыл в Иркутск в октябре 1791 г., однако не встретил здесь даже подобия «надежной изоляции» от общества. Наоборот, Радищев посещал театр, имел дружескую аудиенцию у генерал-губернатора, встречался с Г. И. Шелиховым и занимался в библиотеке Главного народного училища [5, с. 35].

Только в январе 1792 г., когда А. Н. Радищев был доставлен в Илимск, начались тяготы его ссылки. Местные жители не могли поверить, что за «какую-то книгу» можно сослать столь далеко, на окраину империи. Такое непонимание со стороны сибиряков угнетало Радищева: «Проживая в огромных сибирских лесах, среди диких зверей и племен, часто отличающихся от них лишь членораздельной речью, силу которой они даже не в состоянии оценить, — писал он графу А. Р. Воронцову, — я думаю, что и сам превращусь, в конце концов, в счастливое человека по Руссо и начну ходить на четвереньках» [14, с. 576].

Правда, благодаря влиятельным связям А. Н. Радищев не испытывал материальных трудностей и уже летом 1792 г. выписал из центральной России книги и инструменты, развернул строительство большого дома в самом центре Илимска, быстро обзавелся хозяйством, стал удачно врачевать жителей.

Проходит время, но отношение А. Н. Радищева к местному обществу едва ли меняется. Он не может найти общего языка с чиновниками (большинство продолжает считать его высланным «за взятки»), испытывает «притеснения» от исправника и уездного стряпчего, пытается искать защиты у генерал-губернатора. В письме к Воронцову писатель называет чиновников «грубыми людишками», «отбросами общества» [15, с. 204] и столь же критично высказывается о сибирских крестьянах. «Местный житель, — подмечает автор, — любит лука-

вить и обманывает сколько может даже в тех случаях, когда правильно понятая выгода заставила бы его предпочесть честное отношение» [14, с. 580].

Чувствуя непонимание со стороны окружающих, А. Н. Радищев много и упорно работает. В Илимске он пишет экономические и историко-философские трактаты — «Письмо о китайском торге», «О человеке, о его смертности и бессмертии», а также впоследствии утерянные «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и поэму «Ермак». Однако обращение к науке не спасает от духовного одиночества ссылки. В июне 1795 г. Радищев пишет Воронцову: «Чем старше я становлюсь, тем более чувствую, что человек есть существо общественное и созданное, чтобы жить в обществе себе подобных» [15, с. 207].

Трудно сказать, каким образом сложилась бы дальнейшая судьба А. Н. Радищева в Илимске, однако смерть Екатерины II досрочно освободила его из ссылки, и 20 февраля 1797 г., распродав и раздав свои вещи, «в три часа дня при стечении почти всех жителей», как об этом пишет П. С. Богословский, автор «Путешествия...» покинул Илимск [1, с. 122].

А. Н. Радищев был не единственным политическим ссыльным, отбывавшим наказание на территории Иркутской губернии в конце XVIII — начале XIX в. Здесь также находились, хотя и в незначительном количестве, так называемые «секретные» арестанты. О наличии таковых на территории края свидетельствует «Список...», составленный 8 октября 1825 г. и подписанный иркутским гражданским губернатором И. Б. Цейдлером.

Документ содержит фамилии всего семи узников. Против трех имен — Ивана Федотова, Ивана Табалина и Ивана Завьялова значится: «При присылке знать не дано» и дата поступления — 21 ноября 1797 г. Дольше всех отбывал наказание Осип Ананьин, при этом ему на момент составления списка было уже 89 лет, а прибыл он в губернию 4 апреля 1788 г. Никифор Короковцев, по всей видимости, был самым молодым ссыльным, так как содержался здесь лишь с 12 октября 1821 г. Четверо секретных арестантов были приписаны к крестьянскому обществу селения Ильди́канского, один — «по ведомству Нерчинских горных заводов» и двое — 90-летний ссыльнорабочий Василий Калинин и «иностранец Федор Бринк, 48 лет» находились соответственно в Иркутске и Якутске. При этом значилось, что все ссыльные «в уме и ведут себя порядочно» и «поведения весьма хорошего». По-видимому, данный список составлялся не в одночасье, кто-то несколько раз дополнял его. Вот почему в конце документа имеется приписка: «В этом же году 26 июня Н. Короковцев помер». В 1827–1829 гг. умерли О. Ананьин и В. Калинин, в 1833 г. — Ф. Бринк [12, с. 26].

Откуда прибыли эти секретные арестанты в Иркутскую губернию и за какие «вины» — неизвестно. Можно лишь предположить, что столь суровая опала могла быть следствием неких дворцовых интриг, результатом «страстей у трона», когда одни царедворцы стремились удалить подальше от Петербурга других, пользуясь сибирской окраиной как надежным местом для изоляции своих противников. Как правило, смена монарха или его фаворитов приводила к возвращению изгнанников, однако нередко о них попросту забывали, и тогда ссылка превращалась в «вечную», невозвратную. Например, в 1770 г. в Селенгинском монастыре был обнаружен бывший подпоручик Сибирского пехотного полка Родион Колев. Проведя «в железах» в одиночном заключении более четверти века, он сошел с ума [19, с. 297].

В пределах Иркутской губернии в рассматриваемый период находились и те, кто был сослан сюда «за измены», настоящие или мнимые. Так, в 1819 г. в окрестности Селенгинска были высланы «грузинские дворяне» [25, с. 247]. В 1821 г. в Иркутск прибыл абхазский князь Гассан-бей, сосланный за участие

в Имеретинском восстании 1819–1820 гг. Здесь он занимался благотворительной деятельностью среди земляков, имел дружеские отношения с декабристом А. Н. Муравьевым, а в 1827 г. выехал на родину [5, с. 33, 42].

Высылка в Сибирь в конце XVIII — начале XIX в. еще носит эпизодический, нерегулярный характер. В качестве постоянно применяемого наказания, меры «карательной», «предупредительной» и «устрашительной» [17, с. 21] политическая ссылка введена в практику российского государства лишь со второй половины 1820-х гг., с разгромом выступления дворянских революционеров.

Как известно, всего по декабристским процессам в Сибирь было сослано 124 революционера, в том числе 39 чел. на каторгу без срока, на 20 лет — 22, 12 лет — 15, 10 лет — 5, 8 лет — 2, от 6 до 3 лет — 4 чел., на двухлетнюю каторгу — 11 декабристов. В крепостные работы на 5-летний срок последовали 4 чел., 21 был сослан на бессрочное поселение, один — на «вечное житье» [6, с. 47]. Большая часть осужденных была распределена в пределах Восточной Сибири. При этом в Иркутскую губернию в 1826–1827 гг., по подсчетам Т. А. Перцевой, отправили 105 участников декабристских организаций, 90 из них — в каторжные работы, 11 — на поселение, троих (А. Л. Кожевников, В. Н. Петин и Н. Поветкин) — в солдаты Иркутского гарнизона и А. Н. Муравьева — «на жительство без лишения чинов и дворянства» [10, с. 110].

Первые партии революционеров стали прибывать в Иркутскую губернию в конце августа 1826 г. Сначала декабристов размещали близ Иркутска, в Александровском винокуренном, Иркутском солеваренном и Николаевском железнодорожном заводах. Затем государственных преступников было решено перевести за Байкал, в распоряжение администрации Нерчинского горного округа, расположив большей частью в Благодатском, а также Култуминском, Акатуевском рудниках и в Горном Зерентуе. С конца 1827 г. началось сосредоточение декабристов в Читинском остроге, и к июню следующего года здесь было уже 85 ссыльных [8, ст. 468].

Но маленькая Чита не стала местом постоянной дислокации для декабристов. С 1830 г. их начали переводить в Петровский Завод, где разместили в специально построенном каземате более 70 чел. Режим содержания здесь лишь отдаленно напоминал каторжный — вместо обязательных каждодневных «уроков» декабристы занимались благоустройством своего жилья, а в свободное время совершенствовали знания в области различных наук, учили иностранные языки, овладевали столь нужными в Сибири ремеслами — столярным, кузнечным, плотницким. В Петровском Заводе сложилась и, благодаря прибывшим женщинам, всячески сохранялась среди большинства осужденных атмосфера товарищеского взаимопонимания, дружеской поддержки и творчества [11, с. 334].

Здесь же, в Петровском Заводе, началась просветительская деятельность дворянских революционеров. Декабристы организовали и содержали на свои средства школу для мальчиков и детский церковный хор, оказывали медицинскую помощь всем нуждающимся, от солдат и рабочих, бывших каторжников, до мастера и коменданта. Врачебное искусство Ф. Б. Вольфа было известно далеко за пределами завода, к нему приезжали за советом и помощью жители Кяхты, Селенгинска и Верхнеудинска. Конечно, декабристы не могли в корне изменить жизнь сибиряков, но «благодаря их примеру хотя бы у части молодежи возникло стремление к образованию и духовному самосовершенствованию» [9, с. 147].

Несмотря на, казалось бы, либеральный режим содержания, жизнь каторжан была под постоянным бдительным контролем, где не было и не могло быть

мелочей. Даже получение или отправление обычной посылки сопровождалось обширной ведомственной перепиской. Так, генерал-лейтенант С. Р. Лепарский 14 октября 1835 г. сообщал из Петровского Завода генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-майору С. Б. Броневскому, что «...ящичек в клеенке с золотыми часами, следующий государственному преступнику Николаю Басаргину...», им получен. Два генерала пишут о «ящичке в клеенке» — яркое свидетельство тому, какое значение отводилось в высших государственных структурах постоянному надзору за декабристами в далекой стране за Байкалом¹.

Уже с начала 1830-х гг. стали выходить на поселение многие декабристы, чей каторжный срок закончился, и к 1840 г. казематы Петровского Завода опустели (здесь оставались только И. И. Горбачевский и А. Е. Мозалевский). По большей части осужденных распределяли в южных районах Иркутской губернии, ближе к крупным населенным пунктам. При этом желающим заниматься земледелием выдавали в пользование по 15 десятин пашни, а также землю под усадьбу — все за счет сельских обществ. Некоторые декабристы сразу отказывались от участков в пользу крестьян, те же, кто брал землю, с большим трудом создавали хозяйства, приносящие доход — боевые офицеры, знавшие о крестьянском труде лишь понаслышке, неизбежно терпели неудачу и в основном разорялись.

Выехав из Петровского Завода, более 60 декабристов определились на жительство в Иркутскую губернию: П. В. Аврамов в с. Акша, Я. М. Андреевич в г. Верхнеудинск, И. А. Анненков в с. Бельское, А. П. и П. П. Беляевы в Илгинский завод, М. А. и Н. А. Бестужевы в г. Селенгинск, В. А. Бечаснов в с. Смоленщина, А. И. и П. И. Борисовы в д. М. Разводная, А. А. Быстрицкий в с. Хомутово, Ф. Ф. Вадковский в с. Оек, А. И. Вегелин в с. Сретенское, С. Г. Волконский и Ф. Б. Вольф в с. Урик, М. Н. Глебов в с. Кабанское, И. И. Горбачевский и А. Е. Мозалевский в Петровский завод, П. Ф. Громницкий в с. Бельское, Д. И. Завалишин в г. Читу, Н. А. Загорецкий в с. Буреть, И. И. Иванов в с. Верхне-Острожное, В. П. Колесников в с. Качуг, М. К. Кюхельбекер в г. Баргузин, М. С. Лунин в с. Урик, А. Н. Луцкий в Нерчинский завод, Ю. К. Люблинский в с. Тунка, М. Ф. Митьков в с. Олхинское, А. З. Муравьев в с. Елань, Н. М. Муравьев в с. Урик, П. А. Муханов в Братский острог, Е. П. Оболенский в с. Итанцы, А. И. Одоевский в с. Тельма, Н. А. Панов в с. Михалево, А. В. Поджио в с. Усть-Куда, Н. П. Репин в Верхолени, М. И. Рукевич в д. Коркино, П. Н. Свиштунов в с. Идинское, А. Н. Сутгоф в с. Введенщина, Д. П. Таптыков в д. Малышевка, В. С. Толстой в Тункинскую крепость, К. П. Торсон в Акшу, С. П. Трубецкой в с. Оек, И. Ф. Шимков в Батуринскую слободу, В. И. Штейнгель в с. Елань, А. П. Юшневский в д. Кузьминскую, А. И. Якубович в д. Б. Разводную [3].

К этому весьма значительному числу следует добавить еще и тех, кто был изначально сослан сюда «на поселение вечно»: Ап. В. Веденяпин и В. М. Голицын проживали в Киренске, Н. Ф. Заикин — в Витиме, А. Н. Муравьев — в Верхнеудинске, М. А. Назимов — в Витиме, В. Ф. Раевский — в Олонках, Н. А. Чижов — в Олекминске, затем в Александровском винокуренном заводе, Жилкинской волости, Иркутске. «Все преступники (имеются в виду оба списка. — А. И.), — сообщалось в сводке жандармского ведомства за 1842 г., — ведут себя хорошо»².

Надзор за политическими ссыльными, вышедшими на поселение в пределы Иркутской губернии, велся также систематически. Каждый становой

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 317. Л. 38.

² Там же. Д. 368. Л. 7–14.

пристав обязан был ежемесячно докладывать о поведении «своих» ссыльных и отправлять в Иркутск соответствующий отчет. Например: «...Водворенный в Тункинской крепости государственный преступник Юлиан Люблинский в течение января вел себя скромно... 21 февраля 1836 г.» или «В Верхнеудинском округе государственные преступники Михаил Кюхельбекер, Михаил Глебов и Иван Шимков в течение минувшего января ни в каких предосудительных поступках замечены не были». Исправлявший должность Акшинского казачьего командира сотник Трухин докладывал, что находящийся на поселении «государственный преступник Павел Аврамов в продолжение февраля 1836 г. относительно поведения весьма скромного и занятий никаких не предпринимал»¹.

Как известно, политической амнистией 1856 г. воспользовались только 32 декабриста, 50 не дожили до освобождения, и около 10 чел. по разным причинам — материальным и нравственным — не пожелали уезжать из Сибири [8, стб. 470]. В числе последних назовем «иркутских»: М. А. Бестужев, В. А. Бечасный, П. Ф. Выгодский (Дунцов), И. И. Горбачевский, В. П. Колесников, А. Н. Луцкий, В. Ф. Раевский, П. Н. Свистунов, Д. П. Таптыков.

После амнистии и отъезда декабристов за пределы Иркутской губернии сведения об оставшихся становятся отрывочными и редкими. Так, в «Списке государственных преступников, находящихся в Иркутской губернии на 27 февраля 1879 г.» встречается лишь упоминание о ссыльном Уриковской волости Павле Выгодском, 77 лет, «находящемся в Иркутске при католическом костеле в услужении», а также о Василии Колесникове, который «получает пособие» и «ни у кого не служит»². Добавим, что в 1877 г. иркутские власти испрашивали пособие от казны вдовам декабристов Дросиде Кюхельбекер, Анне Бечасной и Марье Таптыковой — всем в размере 114 р. 28 к.³

Самую значительную группу политических ссыльных Иркутской губернии этого периода составляли участники польского освободительного движения. Необходимо отметить, что именно поляков властные структуры российского государства именовали «политическими ссыльными» в отличие от декабристов, называемых «государственными преступниками». Эта практика продолжалась и впоследствии, сохранившись вплоть до 1890-х гг., когда в ссылку «пошла масса» — пролетарские революционеры, руководители рабочего и крестьянского движения.

Первые польские политссыльные стали прибывать в пределы Иркутской губернии еще до декабристов, в 1823–1825 гг. Это были участники кружков филематов и филаретов, а также члены Патриотического общества. После разгрома Ноябрьского освободительного восстания количество ссыльных возросло — в Сибирь стали отправлять солдат и офицеров, помещиков и крестьян, причастных к национальному движению.

Система их распределения в губернии только складывалась, поэтому местные власти нередко были просто не осведомлены, каким образом и где надлежит организовывать их быт и работы. Так произошло, например, с Юзефом Со(а)синовичем, шляхтичем из-под Белостока, осужденным в «одну из крепостей Восточной Сибири» за участие в «деятельном и ревностном способствовании к распространению возмутительных преднамерений», а проще, за укрывательство участников восстания. Когда-то Сосинович сражался под знаменем Наполеона, был ранен, ослеп и отправился в Сибирь в сопровождении слуги, крестьянина Адама Белявского. Уже в 1834 г. поляки прибыли в Иркутск, а отсюда «за неимением в губернии крепостей» были назначены в

¹ ГАИО. Ф. 24. Д. 181. Л. 23, 30, 51.

² Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 300. Л. 13об.

³ Там же. Д. 329. Л. 16.

Петровский завод. Так как отдельных казематов для политических ссыльных на заводе также не было, Сосинович по распоряжению генерал-губернатора Н. С. Сулимы был помещен в арестантскую полуказарму для государственных преступников. За такое самоуправство Сулима незамедлительно получил резкое внушение из Петербурга: «...при сем случае не могу умолчать, что как казарма Петровского Завода предназначена единственно для содержания государственных преступников, прикосновенных к известному Вам, милостивый государь, делу, то прежде распоряжения о помещении в оную Иосифа Сосиновича следовало бы Вашему превосходительству предварительно испросить на сие установленным порядком надлежащее разрешение» [22, с. 255].

Подобным образом были отправлены в сибирскую ссылку и ксендзы Антоний Ойжановский и Людвик Тенсеровский, обвинявшиеся «в сношениях с некоторыми из злоумышленников». Согласно приговору, их следовало без лишения сана содержать в «дальних римско-католических монастырях». Опять же, за неимением оных местные власти вынуждены были отправить священников в феврале 1835 г. в Тунку, а оттуда уже в августе, «учитывая неурожай и дороговизну продуктов», в г. Балаганск, где они и находились по 1842 г. [24, с. 26–27].

В начале 1840 г. в Иркутск стали прибывать свентокшижцы — участники варшавской организации «Содружество польского народа». Их было немного — 10 чел., все отправлены «в работы на Нерчинские заводы». После каторги часть поляков распределили в пределах Иркутской губернии. Эугенуш (Евгений) Жмиевский вышел на поселение в с. Кабанское Ильинской волости Верхнеудинского округа, а Константин Савичевский — в ст-цу Кударинскую Успенской волости. Савичевский, один из главных руководителей свентокшижцев, первоначально жил в ссылке на средства от частных уроков, поддерживал дружбу с декабристом В. К. Кюхельбекером, бывшим на поселении в Акше [21, с. 64–65].

Летом 1845 г. в сибирскую ссылку были отправлены представители организации Петра Сцегенного и связанных с ней польских конспиративных групп. Так, в губернии находились Леопольд Добровский (после отбытия наказания каторжными работами в Петровском заводе в 1851 г. вышел на поселение в Тарбагатайскую волость, затем проживал в Иркутске), Александр Карпиньский (отбывал каторгу при Александровском заводе, поселение — при Петровском), Фелицыан Карпиньский (также жил при Петровском заводе), Шимон Кжечковский (сослан на поселение в Тарбагатайскую волость, где проживал в 1851–1854 гг.), Ян Новаковский (после каторги на заводах Култуминской дистанции работал на приисках в Верхнеудинском округе), Игнацы Пюро (отбывал поселение в Урлукской волости), Александр-Ян Родкевич (каторжанин при Дучарском заводе, затем работал по билету на одном из приисков по р. Гремучей) [20, с. 24–27].

Как видим, большинство ссыльных, прежде чем попасть на поселение в Иркутскую губернию, прошли каторжные работы на заводах Нерчинской системы. Часть из них высылали с лишением всех прав состояния, были и те, кто после суда испытал наказание шпицрутенами. В начале 1850-х гг. на каторжные работы в Нерчинские заводы были сосланы поляки — участники национально-освободительных организаций и революционного движения 1848 г. Судьба трех ссыльных связана с Прибайкальем, это Юзеф Богатко (с 1852 г. поселен в Мухоршибирской волости, в 1857 г. переведен на Кавказ), Хенрик Краевский (в 1856 г. приписан к Нижнеключевскому селению Успенской волости, затем до 1859 г. проживал в Кяхте) и Людвик Уклеевский (после Нерчинского завода также находился в Кяхте) [23, с. 30–33].

Немало польских ссыльных 1830–1850-х гг. имели дворянские корни, владели землей или служили, занимая высокие посты и должности. В Иркутской губернии им нередко приходилось испытывать нужду, работать наравне с людьми простого звания. Например, Антоний Аксамитовский, из шляхтичей, в Петровском Заводе разводил домашний скот, сеял хлеб, шил одежду; Александр Гржигоржевский, из помещиков Родомской губернии, работал на Петровском заводе, получал незначительное пособие; Франц Кноль, из дворян, в Ильинской волости занимался хлебопашеством, изготавливал глиняную посуду, курительные трубки, был фельдшером; Шимон Кржечковский, из дворян Люблинской губернии, проживал в Селенгинске, служил гувернером у купца Д. Д. Старцева; Иосиф Львовский, шляхтич, находился на поселении в Читканской волости, портняжничал; Моцей Стрекоцинский, дворянин Варшавской губернии, жил в Петровском Заводе и работал по найму [16, с. 7–149].

Каково общее количество польских ссыльных на территории Иркутской губернии в изучаемый период? Историография не дает однозначный ответ на этот вопрос. Авторы статьи «Поляки» из «Исторической энциклопедии...» считают, что только после Ноябрьского восстания в Сибирь было отправлено «ок. 10 тыс. чел.» [13, стб. 645]. А. И. Шинковой утверждает, что ссыльных поляков «в пределах Восточной Сибири исчисляли не менее 10 тыс., не всем им было суждено вернуться на Родину» [2, с. 55]. У Ф. Ф. Болонева цифры еще выше: «всего сослано было в 1831 г. 8 026 чел., в 1831 (так в тексте. — А. И.) — 6 756. После этого года, вплоть до 1863 г., ссылалось в Сибирь от 3 до 9 тыс. чел. ежегодно» [2, с. 14].

Нам эти цифра представляются сильно завышенными и не подтвержденными фактически. Дело в том, что в источниках, доступных современным исследованиям, фигурирует не более трехсот польских имен. Так, в «Списках о политических преступниках, находящихся в Иркутской и Енисейской губерниях за 1843 г.» приводятся 125 фамилий, полякам принадлежат 94 из них¹. В подобном же «Списке...» за первую треть 1842 г., опубликованном в известном сборнике источников по истории Нерчинской каторги, также 125 имен, 97 принадлежат сосланным «за участие в мятеже», 95 из них — поляки [12, с. 69–92].

В следующем перечне ссыльных, составленном «за январскую треть 1847 г.» и помещенном в книге «Ссыльные поляки в Сибири: XVII–XIX вв.», — 96 польских фамилий [2, с. 123–136]. Наконец, в этой же книге дан «Список ссыльных поляков с 1830 до 1858 г.». Несмотря на то, что документ не содержит географической идентификации, можно, сопоставив приводимые в нем имена, заключить, что речь идет об Иркутской губернии. В списке 260 фамилий [2, с. 153–156].

Приведенные архивные и изданные материалы соотносятся с подсчетами М. Ю. Тимофеевой. Проанализировав историю пребывания поляков на Нерчинской каторге за 20 лет, она выявила всего 253 чел. После амнистии большинство из них выехали на родину [16, с. 5]. Следовательно, говоря о количестве польских «политиков» в Иркутской губернии первой половины XIX в., мы с уверенностью можем утверждать приблизительно лишь о 500 ссыльных. Наличие здесь еще 9,5 тыс. чел. требует документального доказательства.

В 1830–1840-х гг. на территории Иркутской губернии отбывали наказание в виде ссылки не только дворянские революционеры. Менее заметными выглядели на столь блестящем фоне участники народных бунтов и волнений, высланные сюда из разных регионов империи, в их числе Березовский, Ижевский и Кирицкий заводы, военные поселения в Новгородской губернии, Сева-

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 50–107.

стополи и Кронштадт. Мастеровые, рабочие, государственные крестьяне, солдаты и матросы после наказания шпицрутенами сотнями ссылались в Сибирь.

Только в феврале-марте 1833 г. в Восточную Сибирь было направлено 127 участников новгородского восстания, 65 из них поступили в Иркутский солеваренный завод. Перед этим всех солдат подвергли обязательной экзекуции, одни были наказаны кнутом — от 10 до 50 ударов, другие прогнаны сквозь строй, где каждый получил не менее тысячи шпицрутен. Наказание сопровождалось своеобразным клеймением, на лице вырезали три крупные буквы — «в», «о», «р». В сопроводительных документах эти солдаты именовались «государственными преступниками», сведения об их поведении подавались по жандармскому ведомству в Петербург вместе с рапортами о настроении декабристов и польских повстанцев [18, с. 18].

Источниковая база не позволяет восстановить условия пребывания новгородских солдат в Усолье. Можно только с уверенностью предположить, что они разительно отличались от содержания декабристов, поскольку на каторге, как и в российском обществе в целом, существовала непреодолимая сословная пропасть между солдатом и дворянином.

Тяжелые, по-настоящему каторжные условия приводили к частым побегам. Еще на пути в Иркутск из партии арестантов бежал солдат Овсянников, получивший за участие в восстании 6 тыс. ударов шпицрутенами. Он сделал «сменку» с уголовником, шедшим на поселение. Через год подмену все же обнаружили, Овсянникову добавили еще 100 розог, заковали в кандалы и поставили на наиболее тяжелые работы. Согласно выявленным документам, в первый год с завода бежали 12 чел. из 65, или более 18 % солдат-каторжан. В следующем году беглецов было шестеро, в дальнейшем, до 1840 г., бежали еще двое [18, с. 19].

Средний возраст каторжан-новгородцев, поступивших на Усольскую каторгу, составлял 30 лет. Тяжелые условия труда и быта быстро истощали силы, и уже к 1840 г. четверо из них умерли. Позднее на поселение вышли лишь 13 бывших солдат, все они остались работать подмастерьями при заводе.

В конце 1830-х гг. в Иркутскую губернию поступило еще около 30 государственных преступников из солдат-поселенцев. Можно предположить, что ссыльные прибыли из Курска. В уже упоминавшемся «Списке... за 1843 г.» против каждой из фамилий есть запись: «Выключенный из военного звания». В графе «Откуда, за что, с каким наказанием и по какому приговору сослан» у абсолютного большинства нет указания на место службы и записано «за участие в бунте, истязании начальников своих и грабеж, по конфирмации г. Управляющего Главным Штабом Его Императорского Величества по военному поселению наказан кнутом — 15 (20, 25, 30) ударами с постановлением знаков, сослан в каторжную работу». И только в сведениях на одного солдата, Николая Сорокина, указано, что он «из пахотных солдат Курской губернии»¹.

У двух ссыльных, Аники Демидова и Ивана Денисова, были несколько отличные приговоры. Этим солдатам вменялось в вину «возмущение поселян и предводительствование при нападении на резервный батальон», а также «нанесение удара майору Розенмейеру». Соответственно, и наказание было самое жестокое — 35 и 40 ударов кнутом².

Амнистия 1856 г., по всей видимости, не коснулась солдат-поселян. Отбыв положенные сроки каторжных работ, многие из них выходили на поселение и частью умерли к 1850-м гг., частью остались жить среди сибирского старожильского населения. Сколько их было в пределах губернии в рас-

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 381. Л. 49–107.

² Там же. Л. 61 об.

смаатриваемый нами период, неизвестно. Профессор Ф. А. Кудрявцев, автор единственной небольшой статьи об этих ссыльных, определяет их количество «в 428 чел. на 1838 г.», однако считает их вместе с «польскими повстанцами 1830–1831 гг.» [7, с. 6].

Подведем итоги. Политическая ссылка Иркутской губернии начала XIX в. носила единичный характер, сюда попадали за «явные и тайные измены» или порицание самодержавного строя (Радищев). Во второй половине 1820-х гг. численность политических ссыльных увеличилась, а само наказание приобрело качества целенаправленной государственной карательной системы. В 1826–1850-х гг. здесь отбывали каторгу и поселение три категории ссыльных — русские дворяне-декабристы, поляки, осужденные за участие в национально-освободительной борьбе, и солдаты-поселяне, сосланные за причастность к вооруженным протестам в южных и центральных губерниях России в 1820-х гг.

Ссылка в этот период еще не стала массовым явлением — в пределах Иркутской губернии отбывали наказание в целом не более тысячи государственных и политических преступников. Система содержания ссыльных строго учитывала сословную принадлежность — представители дворянского класса освобождались от телесных наказаний, условия их труда и быта были значительно легче, чем у рядовых солдат. Среди осужденных преобладали люди среднего возраста. Особенностью этого периода было отсутствие женщин среди ссыльных.

После окончания каторжных работ, в основном на заводах и рудниках Нерчинской системы, ссыльные выходили на поселение и по-прежнему оставались под строгим полицейским надзором. Согласно многочисленным историческим источникам политические и государственные преступники внесли заметный вклад в социальное преобразование и развитие духовной культуры сибиряков. С амнистией 1856 г. оставшиеся в живых ссыльные декабристы и поляки в основном покинули пределы Сибири, солдаты же, приписанные к заводам и сельским обществам, постепенно слились с крестьянским населением.

Список использованной литературы

1. Богословский П. С. Радищев в Сибири / П. С. Богословский // Сибирские огни. — 1926. — № 3. — С. 112–124.
2. Болонев Ф. Ф. Ссыльные поляки в Сибири: XVII–XIX вв. / Ф. Ф. Болонев, А. А. Люцидарская, А. И. Шинковой. — Новосибирск : Книжица, 2007. — 228 с.
3. Декабристы : биограф. справ. / под ред. М. В. Нечкиной. — М. : Наука, 1988. — 446 с.
4. Иванов А. А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX — начала XX в. / А. А. Иванов. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2001. — 275 с.
5. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. — Иркутск : Оттиск, 2003. — 848 с.
6. Кодан С. В. Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование) / С. В. Кодан. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. — 284 с.
7. Кудрявцев Ф. А. Участники народных движений первой половины XIX века на каторге / Ф. А. Кудрявцев // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974. — Вып. 2. — С. 3–10.
8. Перцева Т. А. Декабристы / Т. А. Перцева // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. — Т. 1. — Стб. 466–471.
9. Перцева Т. А. Декабристы в Бурятии / Т. А. Перцева // История Бурятии. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — Т. II : XVII — начало XX в. — С. 138–147.
10. Перцева Т. А. Наказание декабристов: должествующее и реальное. I. Этапирование / Т. А. Перцева // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. — Иркутск : Оттиск, 2011. — Вып. 6 (18). — С. 107–125.
11. Перцева Т. А. Политическая ссылка первой половины XIX в. / Т. А. Перцева // Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. — Иркутск : Востсибкнига, 2012. — 798 с.

12. Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга / отв. ред. Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Сиб. хронограф, 1993. — Т. 1. — 292 с.
13. Поляки / Р. В. Оплаканская, А. И. Савин, Е. Н. Туманик, Б. С. Шостакович // Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. — Т. 2. — Стб. 64–649.
14. Радищев А. Н. Сочинения / А. Н. Радищев. — М. : Худ. лит., 1988. — 712 с.
15. Татаринцев А. Г. Радищев в Сибири / А. Г. Татаринцев. — М. : Современник, 1977. — 269 с.
16. Тимофеева М. Ю. Участники польского национально-освободительного движения в Забайкальской ссылке (1830–1850 годы) : биобиблиогр. справ. : материалы к «Энциклопедии Забайкалья» / М. Ю. Тимофеева. — Чита, 2001. — 152 с.
17. Фельдштейн Г. Ссылка: очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния / Г. Фельдштейн. — М. : Т-во Скоропечатни А. А. Левенсона, 1893.
18. Шободоев Е. Усольская судьба военных поселян / Е. Шободоев, Ю. Жукова, Е. Кирильчук // Земля Иркутская. — 2000. — № 13. — С. 18–20.
19. Шорохов Л. П. Узники сибирских монастырей в XVIII веке / Л. П. Шорохов // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск : Наука, 1978. — С. 294–308.
20. Шостакович Б. С. Материалы восточносибирских архивов о ссылных участниках организации Петра Сценного и связанных с ней польских конспиративных групп первой половины 40-х годов XIX века / Б. С. Шостакович // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1980. — Вып. 7. — С. 21–38.
21. Шостакович Б. С. Материалы Государственного архива Иркутской области о пребывании в восточносибирской ссылке свентокшижцев — участников варшавской организации «Содружество польского народа» / Б. С. Шостакович // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1983. — Вып. 8. — С. 61–70.
22. Шостакович Б. С. Политические ссылные поляки и декабристы в Сибири / Б. С. Шостакович // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1973. — Вып. 1. — С. 243–95.
23. Шостакович Б. С. Ссылные поляки — участники тайных национально-освободительных организаций и революционного движения 1848 года — в Восточной Сибири / Б. С. Шостакович // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1987. — Вып. 10. — С. 28–50.
24. Шостакович Б. С. Ссылные участники экспедиции Юзефа Заливского в Восточной Сибири (по материалам Государственного архива Иркутской области) / Б. С. Шостакович // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1980. — Вып. 5. — С. 20–52.
25. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов. — Репринт. изд. — Сургут : Северный дом, 1993. — 463 с.

References

1. Bogoslovskii P. S. Radishchev in Siberia. *Sibirskie ogni = The Siberian Lights*, 1926, no. 3, pp. 112–124. (In Russian).
2. Bolonev F. F., Lyutsidarskaya A. A., Shinkovoi A. I. *Ssyl'nye polyaki v Sibiri: XVII–XIX vv.* [The exiled Poles in Siberia: XVII–XIX centuries] Novosibirsk, Knizhitsa Publ., 2007. 228 p.
3. Nechkina M. V. *Dekabristy* [Decembrists]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 446 p.
4. Ivanov A. A. *Istoriografiya politicheskoi ssylki v Sibir' vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Historiography of political exile to Siberia of the second half of XIX — early XXth century] Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2001. 275 p.
5. Kolmakov Yu. P. *Irkutskaya letopis' 1661–1940 gg.* [The Irkutsk chronicle of 1661–1940] Irkutsk, Ottisk Publ., 2003. 848 p.
6. Kodan S. V. *Sibirskaya ssylka dekabristov (istoriko-yuridicheskoe issledovanie)* [Siberian exile of Decembrists (historical and juridical investigation)]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1983. 284 p.

7. Kudryavtsev F. A. Participants of popular movements in the first half of the XIXth century in exile. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. — fevral' 1917 g.)* [Exiled revolutionists in Siberia (XIX — February 1917)]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1974, iss. 2, pp. 3–10. (In Russian).

8. Pertseva T. A. Decembrits *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Inheritance of Siberia]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2009, vol. 1, pp. 466–471. (In Russian).

9. Pertseva T. A. Decembrists in Siberia. *Istoriya Buryatii* [History of Butyatia]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences Publ., 2011, vol. II, pp. 138–147. (In Russian).

10. Pertseva T. A. Punishment of the Decembrists: «the must be» and «the real». 1. Prisoner transfer. *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2011, iss. 6 (18), pp. 107–125. (In Russian).

11. Pertseva T. A. Political exile in the first half of the XIXth century. *Irkutskii krai. Chetyre veka: Istoriya Irkutskoi gubernii (oblasti) XVII–XXI vv.* [Irkutsk Territory. Four centuries: The history of Irkutsk Province (Oblast), XVII–XXI centuries Irkutsk, Vostsibkniga Publ., 2012. 798 p.

12. Goryushkin L. M. *Politicheskaya ssylka v Sibiri. Nerchinskaya katorga*. [Political exile in Siberia. The Nerchinsk hard labor]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1993. Vol. 1. 292 p.

13. Oplakanskaya R. V., Savin A. I., Tumanik E. N., Shostakovich B. S. The Poles. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Inheritance of Siberia]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2009, vol. 2, pp. 64–649. (In Russian).

14. Radishchev A. N. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1988. 712 p.

15. Tatarintsev A. G. *Radishchev v Sibiri* [Radishchev in Siberia]. Moscow, Sovremennik Publ., 1977. 269 p.

16. Timofeyeva M. Yu. *Uchastniki pol'skogo natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya v Zabaikal'skoi ssylke (1830–1850 gody)* [Participants of Polish national liberation movement in the Zabaikalye exile(1830–1850)]. Chita, 2001. 152 p.

17. Feldshtein G. *Ssylka: ocherki ee genezisa, znacheniya, istorii i sovremennogo sostoyaniya* [The exile: the sketch-book of its genesis, significance, history and today's state]. Moscow, Tovarishestvo Skoropechatni A. A. Levensona Publ., 1893.

18. Shobodoev E., Zhukova Yu., Kiril'chuk E. The Ussolye fate of military settlers. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land*, 2000, no. 13, pp. 18–20. (In Russian).

19. Shorokhov L. P. Prisoners of Siberian monasteries in the XVIIIth century. *Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri (XVIII — nachalo XX v.)* [Exile and socio-political life in Siberia (XVIII — early XX century) Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, pp. 294–308. (In Russian).

20. Shostakovich B. S. Materials of East Siberian archives about the exiled participants of Petr Stsegenny's organization and related Polish conspiracy groups in the first half of the 40-s of XIX century. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. — fevral' 1917 g.)* [Exiled revolutionists in Siberia (XIX — February 1917)]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1980, iss. 7, pp. 21–38. (In Russian).

21. Shostakovich B. S. Materials of the State Archive of Irkutsk Oblast about staying of sventokzhizhtsevs in East Siberia, participants of the Warsaw organization «Community of Polish people». *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. — fevral' 1917 g.)* [Exiled revolutionists in Siberia (XIX — February 1917)]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1983, iss. 8, pp. 61–70. (In Russian).

22. Shostakovich B. S. Political exiled Poles and Decembrists in Siberia. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. — fevral' 1917 g.)* [Exiled revolutionists in Siberia (XIX — February 1917)]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1973, iss. 1, pp. 243–295. (In Russian).

23. Shostakovich B. S. Exiled Poles — criptos of national liberation organizations and revolutionary movement of 1848 — in Siberia. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. — fevral' 1917 g.)* [Exiled revolutionists in Siberia (XIX — February 1917)]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1987, iss. 10, pp. 28–50. (In Russian).

24. Shostakovich B. S. Exile participants of Jusef Zalivsky's expedition in East Siberia (following the materials of State Archive of Irkutsk Oblast). *Ssyl'nye revolyutsionery v Si-*

biri (XIX v. — fevral' 1917 g.) [Exiled revolutionists in Siberia (XIX — February 1917)]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1980, iss. 5, pp. 20–52. (In Russian).

25. Shcheglov I. V. *Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannykh iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg.* [A chronological list of most important data from history of Siberia: 1032–1882]. Surgut, Severnyi dom Publ., 1993. 463 p.

Информация об авторе

Иванов Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, Сибирская академия права, экономики и управления, 664025, г. Иркутск, ул. Сурикова, 21, e-mail: ottisk@irmail.ru.

Библиографическое описание статьи

Иванов А. А. Политическая ссылка Иркутской губернии первой половины XIX века / А. А. Иванов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2015. — Т. 6, № 2. — URL : <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20040>. — DOI : [10.17150/2072-0904.2015.6\(2\).28](https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6(2).28).

Author

Aleksandr A. Ivanov — Doctor habil. (History), Professor, Siberian Academy of Law, Economy and Management, 21 Surikov St., 664025, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: ottisk@irmail.ru.

Reference to article

Ivanov A. A. Political exile in Irkutsk province in the first half of the XIXth century. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2015, vol. 6, no. 2. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20040>. DOI: [10.17150/2072-0904.2015.6\(2\).28](https://doi.org/10.17150/2072-0904.2015.6(2).28). (In Russian).